

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

СНЫ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

- А. А. Лазарева. В поисках формулы неуловимого: как систематизировать рассказы о снах? 2
- В. А. Кишкина, О. В. Мецзякова, Е. А. Краснова. Материалы для сюжетно-мотивного указателя рассказов о снах 5
- О. В. Мецзякова. «Этот мужчина стал превращаться в чёрта»: образы сновидений, предвещающие опасность 6
- Е. А. Краснова. «Будто кусты малины её голосом говорят»: образы умерших в фольклорных рассказах о снах 9
- С. С. Ковалевская. Обряд «крещения за умерших» у членов Церкви Иисуса Христа Святых последних дней и связанные с ним сновидения 10

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР: ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

- Г. С. Махрачев, Т. В. Махрачева. «На Николу сеют просу...»: дни Николая Угодника в народном календаре Тамбовской области 12
- Т. В. Махрачева, М. А. Шлыкова. Иван Купала в Тамбовской области 16
- Е. Ю. Блинова, Д. Н. Лоскутова. «Чемер» в мифологических представлениях и медицинской практике тамбовских крестьян 19
- К. С. Беляева, Я. В. Манака. Дуб в поверьях, приметах, обрядах, представлениях тамбовских крестьян 23
- Д. Н. Лоскутова. Испуг в традиционных представлениях крестьян Тамбовской области 27

ФОЛЬКЛОРИСТИКА В НАУЧНЫХ ЦЕНТРАХ: ЦЕНТР УСТНОЙ ИСТОРИИ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

- В. А. Лобач. Этнографические исследования в Полоцком государственном университете: опыт, итоги, перспективы 32
- А. И. Корсак. События Великой Отечественной войны в устной истории Белорусского Подвинья 34
- В. Е. Овсейчик. Этнические группы северной Беларуси в представлениях белорусского населения 37
- Е. В. Сумко. Культура жизнеобеспечения послевоенной белорусской деревни (по материалам устной истории Витебщины) 41

ВЫСТАВКИ

- Е. Л. Мадлевская, А. Б. Островский. Выставка Российского этнографического музея «В лесах и на горах: быт старообрядцев Поволжья» 45

ЭКСПЕДИЦИИ

- К. А. Федосова. Названия ветров в русских селах Бурятии 50
- Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская. Традиционное ткачество в Малоритском районе Брестской области 53

ПАМЯТИ УЧЕНЫХ

- Т. Г. Иванова. Джеймс Бейли (1929–2020) 57

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

- С. М. Толстая. Свод материалов по полесской народной демонологии 58
- Е. Бальзамо. Энциклопедия этиологических сюжетов восточнославянского фольклора 60
- М. В. Строганов. Фольклор в рукописях первой трети XX в. 61
- О. В. Трефилова. Новая литература по фольклору, этнографии, этнолингвистике 64

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- А. А. Лазарева. Конференция «Антропология сновидений» 65
- О. Б. Христофорова. О демонах старых и новых: конференция «Демонология как семиотическая система» 67
- М. В. Ясинская. Содержание журнала «Живая старина» за 2020 г. 71

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры Российской
Федерации

Проект реализован при финансовой
поддержке ООГО «Российский фонд
культуры»

РОССИЙСКИЙ
ФОНД КУЛЬТУРЫ

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук;
Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, доктор филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редактора), канд. филол. наук, Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова

Д. А. Баранов, канд. ист. наук, Российский этнографический музей

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук, Институт славяноведения РАН

Е. А. Дорохова, канд. искусствоведения, Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова

М. А. Енговатова, канд. искусствоведения, профессор, Российская академия музыки им. Гнесиных

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, профессор, Институт славяноведения РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

И. А. Разумова, доктор ист. наук, Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, академик РАН, Институт славяноведения РАН

Елена Вячеславовна Сумко,
канд. ист. наук, Полоцкий гос. ун-т (Республика Беларусь)

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ (по материалам устной истории Витебщины)

Центр устной истории и полевых исследований Полоцкого государственного университета (ПГУ) имеет значительный опыт в проведении полевых экспедиций — в формате как летних полевых практик студентов-историков с базовым лагерем и радиальным принципом исследования, так и маршрутных краткосрочных экспедиций, когда исследуется конкретный населенный пункт или несколько деревень. В фольклорном архиве ПГУ хранится значительный объем биографических нарративов, отражающих различные аспекты истории и культуры Белорусского Подвинья. В последние годы наряду с классическими народо-ведческими темами (фольклор, календарные и семейные обряды, магические практики) исследуются и новые, такие как история повседневности, микроистория (история отдельных деревень и местечек), визуальная антропология.

Одним из перспективных направлений становится исследование культуры жизнеобеспечения белорусской деревни в послевоенный период по данным устной истории. Проблематика жизнеобеспечения в современной исторической науке активно обсуждается представителями разных дисциплин. Этнологи, антропологи, представители современных исторических школ спорят об использовании и содержании терминов «бытовой уклад», «история повседневности», «жизнеобеспечение», «система жизнеобеспечения», «культура жизнеобеспечения» [4, 5, 9]. Исследователи отмечают, что жизнеобеспечение можно рассматривать в системе координат «общество — природа» и «общество — индивид», так как производство, распределение и потребление материальных благ реализуются в определенных социально-организованных формах. Под культурой жизнеобеспечения (КЖ) понимается «взаимосвязанный комплекс особенностей производственной деятельности, демографической структуры и расселения, трудовой кооперации, традиций потребления и распределения, т. е. экологически обусловленных форм социального поведения, обеспечивающих человеческому коллективу существование за счет ресурсов конкретной среды обитания» [2. С. 153]. В современных исследованиях предметная область КЖ расширяется

за счет обращения к исследованию психологического микроклимата, системы ценностей в крестьянских коллективах, а также выработанного деревенским сообществом механизма преодоления трудностей в условиях трансформации социально-экономического и политического строя. Кроме того, в условиях традиционного, аграрного в своей основе общества КЖ имеет четкие проекции на коллективную картину мира и обладает взаимообусловленностью с различными аспектами духовной культуры. Таким образом, КЖ можно определить как совокупность хозяйственных практик, навыков и знаний, обеспечивающих жизнеспособность коллектива, которые обусловлены и находятся в тесной взаимосвязи с геоклиматическими особенностями этнической территории, социальной организацией и уровнем исторического развития народа в целом и отдельных сообществ. КЖ отражена в картине мира этноса и на символическом уровне представлена в разнообразных аспектах духовной культуры (фольклор, календарные и семейные обряды, магические практики, предписания).

Методология исследования КЖ предусматривает междисциплинарный подход — ее изучение на стыке экономической этнологии, социально-культурной антропологии и истории повседневности, когда личный опыт представителя локального сельского сообщества рассматривается в широком контексте исторического развития Беларуси в первое послевоенное десятилетие. В изучении КЖ белорусской деревни принципиальное значение имеет определение источниковой базы, а именно сочетание архивных документов, материалов устной истории и этнографических источников, которые дополняют друг друга. Архивные документы позволяют понять контекст событий, а свидетельства респондентов придают человеческое измерение тем или иным трагическим фрагментам истории, позволяют постичь суть и подоплеку процессов, происходящих в послевоенном сельском социуме, помогают изучить новые социально-культурные явления, неразрывно связанные с изменившимися социальными, экономическими, политическими условиями. Именно «эфемерный момент, этнографически

зарегистрированный, раскрывает что-то свое о конфликтах и альтернативах, всплывших на поверхность вследствие деструктивного эффекта переходного периода» [3. С. 10–11]. Поэтому антропологический подход к изучению хозяйственно-экономических аспектов этнической культуры представляется перспективным при комплексном анализе практик жизнеобеспечения белорусской деревни. При этом речь идет не только о хозяйственном производстве, промыслах, ремеслах, но и о системе онтологических ценностей, которая проецируется на сферу народной педагогики, медицины, обрядовых практик и фольклора.

Полевые материалы позволяют зафиксировать картину, созданную коллективной памятью населения, детально проанализировать проблему и определить стратегии повседневной жизни в сложных послевоенных условиях. Необходимо отметить, что большинство респондентов — преимущественно пожилые женщины довоенного или военного поколения, которые были в рассматриваемый период детьми или подростками. Воспоминания отличаются эмоциональностью, что обусловлено половозрастной и гендерной спецификой восприятия исторических событий, на интерпретацию которых влиял опыт семьи респондента (социальной среды). Отражение послевоенных реалий в индивидуальной памяти имеет свои особенности: приоритет локальной истории, компрессия исторического времени, относительная хронология (хронологическими маркерами становятся формы «до войны / после войны», «до коллективизации / после коллективизации», а не конкретные даты). Рассказы о послевоенной действительности населения Витебщины (Белорусское Подвинье) имеют свою специфику, обусловленную геоклиматическими, культурными и социально-политическими факторами.

С 1944 по 1954 г. территория Подвинья входила в состав двух областей — Полоцкой и Витебской. Социально-экономические различия между областями были обусловлены включением в первую районов, которые с 1921 по 1939 г. входили в состав Польской республики, где преобладала частная собственность на землю (Браславский, Видзевский, Глубокский, Дисненский, Докшицкий, Дуниловичский, Миорский, Плиский и Шарковщинский районы). После освобождения территории от нацистов восстановление сельского хозяйства в восточных районах проходило на основе колхозно-совхозной системы, в западных районах в первые послевоенные годы преобладали единоличные хозяйства. В результате регион имел в своем составе районы с различными типами социально-экономического

уклада, разным уровнем благосостояния населения и неодинаковыми стартовыми условиями послевоенного восстановления, что обусловило определенную разницу в восприятии событий. Материалы устной истории показывают, что относительная состоятельность жителей западных районов по сравнению с бедственным состоянием крестьян с востока актуализировала разделение на «западников» и «восточников» с широким спектром взаимных социокультурных стереотипов:

Былі такія две клічкі, былі «западнікі» і «васточнікі». Гэта ўжо большэ хадзілі «васточнікі», патаму што ў «западнікав», в западзе ж как-нікак адналічна жылі і ў іх была астаўшысь, і зерна большэ там, і кабана какова-нібудзь можа вырашчвалі. А ў восточных — калхозы былі, там былі болей бедные [БГТ]¹.

В этом отношении Витебщина — уникальный регион, представляющий две модели КЖ в неоднозначный послевоенный период, которые являются транспарентными для всей Беларуси, как для восточной, так и для западной.

После освобождения экономическое положение рассматриваемого региона было тяжелым. Общая численность сельского населения Витебской области (14 районов) на 1 января 1945 г. составляла 433,8 тыс. человек (61% от довоенной численности), в восточных районах Полоцкой области (6 районов) — 123,5 (52,3%), в западных районах Полоцкой области (9 районов) — 241,2 (75,5%) [1. С. 241–242]. В чрезвычайно тяжелом положении оказались жители тех районов, где нацисты в борьбе с партизанами проводили политику «выжженной земли» (ср.: «У нас спалілі ўсё датла ў 44-м гаду» [ГФ]). Шесть восточных районов Полоцкой области (Освейский, Ветринский, Дрисенский, Полоцкий, Россонский, Ушачский) и семь районов Витебской (Городокский, Дубровенский, Сиротинский, Суражский, Чашникский, Лиозненский, Меховский) были включены в число 36 наиболее пострадавших от нацистов на территории БССР. Оккупация привела здесь к полному опустошению деревень.

Уся дзярэўня згарэўшы. На пняк сталі, пастаялі, пакруціліся, нічога не было... [КНА].

Ну, кончылася вайна, тады ж прыехалі — нідзе нічога нет. Усё пад качалку, усё паскуды папалілі. Прышлі — толькі папялок быў. Там дзярэўня была — спалілі, і тут была — спалілі, толькі папялок быў [КЕА].

Экономическая ситуация в западных районах была несколько лучше, что в немалой степени было обусловлено значительно меньшими размахом кара-

Заготовка сена. 1950-е гг. Семейный архив Льва Николаевича Глебки (д. Куриловичи Миорского р-на)

тельных экспедиций нацистов и степени опустошения, а также отличным от колхозного социально-экономическим укладом, который обладал лучшим восстановительным потенциалом в условиях разрушенной экономики. Поэтому стартовые условия послевоенного восстановления были не совсем одинаковые в западных, где преобладали единоличные хозяйства, и в восточных, преимущественно коллективизированных, районах Витебщины. Однако на протяжении первого послевоенного десятилетия социально-экономический и политический контекст менялся, а вместе с ним и условия жизнеобеспечения. Дискурс устной истории Витебщины дает возможность сравнить трансформацию двух субрегионов с различными исходными социально-экономическими условиями (в восточных районах — восстановление сельского хозяйства и колхозной системы, в западных районах — постепенная ликвидация единоличных хозяйств и переход к принудительной коллективизации, сопровождавшейся разрушением традиционного крестьянского образа жизни).

В условиях разрушенной войной экономики для советского правительства одной из первоочередных задач являлось восстановление на освобожденных территориях колхозной системы как апробированного механизма обеспечения продуктами и сырьем городов, промышленных центров. Для сельского же населения «послевоенное восстановление» означало в первую очередь восстановление личного хозяйства. Для крестьян-единоличников оно было единственным источником жизнеобеспечения, а крестьяне-колхозники сочетали обработку приусадебного хозяйства с работой в колхозе, которая не оплачивалась должным образом.

Да вайны нічога было, і робілі, і стараліся, а пасля вайны гадавалі крэпка, цяжка было жыць. Калок [трудодень] запішуць. Давалі на яго якога хлеба. А які хлеб быў? Гірса² была. Трудадні... ну, як валы робілі [ММФ].

Наличие двух разных социально-экономических моделей на территории западной и восточной Витебщины

Косцы. 1950-е гг. Семейный архив Ирины Николаевны Стомы (д. Язно Миорского р-на)

предопределило в послевоенный период специфику КЖ белорусской деревни, которая рассматривается как сложный комплекс ментальной стратегии выживания и всей совокупности хозяйственных и социальных практик, призванных обеспечить существование этноса.

Материалы устной истории свидетельствуют, что наиболее тяжелыми были первые годы после освобождения, когда остро стояла проблема физического выживания: «Страшно было. Страшны голод быў. Коні здахалі, людзі падлу елі» [ВТИ]. Устный дискурс голода и экстремальной гастрономии фиксируется преимущественно в восточных районах. В пищу шло всё, что можно было есть, в том числе растения, которые в мирное время не употребляли в пищу. В первый год после освобождения распространенным продуктом был мерзлый картофель, оставшийся на полях. Жарили лепешки из щавеля, лебеды, конопля. Ели молодые листочки липы, корень аира. В хлеб добавляли различные травы и картофель. Некоторые респонденты сохранили в памяти и пронесли через всю жизнь вкусовые ощущения послевоенной экстремальной гастрономии, которая оставалась актуальной из-за голода в зимне-весенний период 1946–1947 гг. Однако и в западных районах включение в повседневный рацион растительных продуктов-суррогатов было обычным явлением. В это время актуализируются этноботанические знания, используются традиционные методы лечения [7. С. 72].

Важными дополнительными источниками послевоенного жизнеобеспечения стали собирательство и рыболовство. В рассматриваемый период собирательство значительно расширилось. Респонденты отмечали, что очень востребованным было рыболовство, так как рыба была важным пищевым ресурсом, который позволял выжить в сложных условиях, а также служила для обмена на другие продукты питания [7. С. 68]. Реализация рыбы в послевоенном городе в условиях карточной системы была весьма выгодным бизнесом. Собирательством преимущественно занимались дети разного возраста, взрослые — в меньшей степени, так как были заняты в колхозе или в своем хозяйстве. Продукты собирательства включались в повседневный рацион, а также были источником заработка. Ягоды и грибы дети нередко продавали в ближайшем местечке или городе, чтобы приобрести необходимые вещи, например для школы, или купить какое-то лакомство.

Архивные документы и материалы устной истории свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период основную роль в жизнеобеспечении крестьян как в восточных, так и в западных районах играло личное хозяйство. В период послевоенного восстановления

Ядвига Петровна Ворона (д. Папшули Миорского р-на) рассказывает участникам экспедиции (А. Солоневич и И. Якубенюк) о послевоенном быте. 2019 г. Фото Е. В. Сумко

экономики отношения между «восточниками» и «западниками» строились на принципах своеобразной взаимопомощи. Прежде всего это проявлялось в обмене ресурсами. В условиях массовой мобилизации 1944 г. и отсутствия мужских рук восточные районы поставляли «западникам» дешевую рабочую силу для обработки земли в единоличных хозяйствах и помощи по хозяйству (работали преимущественно за продукты питания), а для «восточников» западные районы были источником продовольствия и ресурсов для обеспечения своих хозяйств, в частности скота. В сложное послевоенное время актуальными практиками были отхожий промысел и «хождение по миру», которые играли иной раз основную роль в системе жизнеобеспечения крестьянской семьи:

У нас, у Западной Беларусі здесь было едiналiчество, людзi жылi намнога багаче. Былi запасы i мяса, i сала i хлеба i ўсё. I пазтаму сразу после вайны хадзiлi нiшчыя [ШФЛ].

«Хождение по миру» было известным феноменом традиционной культуры, а люди, занимавшиеся этим специфическим промыслом, рассматривались как профессиональные нищие («старцы», «божьи люди»). В послевоенный период оно приобретает вынужденный характер, на первый план выходит именно прагматическая функция, хотя элементы субкультуры «старцев» в определенном смысле еще сохранялись. Полевые исследования фиксируют воспоминания о практиках нищенства во всех районах

Витебщины. Однако в восточных районах воспоминания о послевоенном попрошайничестве — это воспоминания о собственном жизненном опыте, тогда как в западных преобладают воспоминания о нищенствующих «восточниках» [8. С. 144].

Мы не хадзiлi, а да нас пасля вайны з восточнай Беларусі прыхадзiлi. Яны ж там папалення былi, бедна жылi, так iшлi да нас. Прыйдучь, паглядаць ёсць цi абраз, перакрэсцяца i: «Падайце радi Хрыста»... I так iшлi, iшлi, iшлi... [РВН].

Много з голаду паўмiрала ў Валатоўках, а мы не, мы не памёрлi, мы з сястрой хадзiлi, ну як... па жэбрах, па старцах [ВТИ].

Жесткие условия послевоенного восстановления хозяйства вызвали к жизни либо актуализировали нетипичные формы экономической и торговой активности крестьян; среди традиционных занятий возникли нелегальные формы торгового предпринимательства, которые зачастую имели криминальный характер. Это зафиксировано в архивных документах, однако именно материалы устной истории позволяют глубже понять суть проблемы, изучить неформальные практики, которые осуществлялись за пределами колхозной системы. В экстремальных условиях важным дополнительным источником жизнеобеспечения было самогонварение, которое представляло собой эффективный способ «конвертации» сельскохозяйственной продукции в «живые деньги». В первые послевоенные годы продажа самогона давала необходимые ресурсы для вос-

становления собственного хозяйства, приобретения предметов первой необходимости [6. С. 128]. Респонденты отмечали, что самогон был средством расчета за разные бытовые услуги, а также играл важную роль во время товарообменных операций как в сельском социуме, так и между городом и деревней. К тому же, в отличие от собственно денег, самогон выполнял важные экстраутилитарные функции в рамках обрядов семейного и календарного циклов, позволяя тем самым экономить значительные финансовые средства на покупке официального алкоголя.

Мама наварит самогонки. Ведро зерна — за бутылку. Ведро зерна она прорастит и сделает самогонку. Пойдет в Миоры, купит зерна — пуд. Принесет на плечах этот пуд. С одного ведра она сделала самогонку, чтоб купить ещё, а с другого смолола и нас накормила, туда картошки добавила. Люди выживали сами [НВМ].

Самогонование в послевоенной деревне было распространено повсеместно. Сюжеты, связанные с самогонованием, позволяют глубже понять систему социальных связей в сельском сообществе. Нелегальный характер производства самогона при его востребованности предопределил различные стратегии и тактики во взаимоотношениях крестьян-самогонщиков и представителей власти, что нашло отражение в воспоминаниях респондентов и даже в песенном фольклоре. В 2009 г. от коллектива женщин в д. Тумиловичи Докшицкого района была записана следующая песня:

Звіньявой я была, звіньявой я была,
Звіньявой я была, буракоў накрала.
Буракоў накрала, самогонкі нагнала.
Самагонка удалася, самогонка удалася,
Самагонка удалася — ўся брыгада
напілася.
Як напіўся брыгадзір, як напіўся
брыгадзір,
Як напіўся брыгадзір — на работу
не хадзіў.
Аграном як заліў вочы, аграном як
заліў вочы,
Аграном як заліў вочы, дык паставіў
дзень рабочы.
Заацехнік як напіўся, заацехнік
як напіўся,
Заацехнік як напіўся — у кармушку
уваліўся.
І з раёну была два, і яшчэ 'дзін галава.
І міліцыя была, і міліцыя была,
І міліцыя была, самогоначку піла.
Сталі сход сабіраць, сталі сход сабіраць,
Сталі сход сабіраць — каму прэмію
даваць.
Звіньявой трэба даць, звіньявой трэба
даць,
Звіньявой трэба даць — самогонку
ўмеє гнаць.

І з цех пор я завуся, і з цех пор я завуся,
І з цех пор я завуся — самогоншчыца
Маруса.

Ситуация с жизнеобеспечением в районах Витебщины, где преобладали единоличные хозяйства, осложнилась в конце 1940-х гг., когда был взят курс на ускоренную коллективизацию. Масштабное наступление партийно-государственных структур, действия карательных органов, увеличение налогов, раскулачивание позволили в короткий период включить основную часть крестьянства западных областей в колхозно-совхозную систему. Количество единоличных хозяйств стало резко сокращаться. Если сравнивать восприятие коллективных хозяйств в послевоенное время, в материалах этнографических экспедиций Центра устной истории ПГУ четко отражены две концепции отношения к колхозам. Первая была характерна для восточных, коллективизированных до войны районов, население которых отчасти не противопоставляло послевоенное восстановление собственного и колхозного хозяйств, и совсем другое отношение было у населения западных районов, где хозяйства относительно зажиточных бывших крестьян-единоличников после коллективизации оказались в состоянии упадка [10. Р. 107–108]. Становление колхозов связывалось с ухудшением урванной жизни.

Таким образом, культура жизнеобеспечения — сложная исследовательская проблема, каждый элемент которой может рассматриваться как самостоятельное направление. Перспективными темами для исследований являются следующие: устный дискурс о голоде и экстремальной гастрономии; популяризм как стратегия выживания; место легальных и нелегальных промыслов в системе хозяйственных занятий и их роль в повышении благосостояния деревенского населения; внутриэтническое разделение на «западников» и «восточников» и сопровождающие его взаимные социокультурные стереотипы; трансформация обрядовой жизни в условиях послевоенного восстановления.

Примечания

¹ Полевые записи хранятся в фольклорном архиве Полоцкого государственного университета.

² *Гирса* — *Bromus secalinus*, многолетнее травянистое растение семейства злаковых, полевой сорняк; используется как кормовая культура в животноводстве.

Литература

1. Витебщина освобожденная: октябрь 1943 — декабрь 1945: Документы и материалы / Сост. Н. В. Воронова [и др.]. Витебск, 2009.

2. *Лурье С. В.* Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. М., 2004.

3. *Мартынова М. Ю.* От этнологии к антропологии: глобальные мировые тенденции в региональном контексте // Этнографическое обозрение. 2019. № 5. С. 5–14.

4. *Пушкарева Н. Л.* Антропология повседневной жизни и этнографическое изучение бытовой культуры // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 83–86.

5. *Сатаев Р. М.* Использование понятий «жизнеобеспечение», «бытовая культура» и «культура повседневности» применительно к изучению обществ исторического прошлого // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 73–82.

6. *Сумко А. В.* Эканамічны і соцыякультурны аспект самоганаваарэння ў сельскім ландшафце Паўночнай Беларусі ў другой палове 1940-х — 1960-х гг. // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А: Гуманитарные науки. 2018. № 9. С. 127–135.

7. *Сумко А. В.* Выжыванне пасля вызвалення: вёска Паўночнай Беларусі ў дыскурсе вуснай гісторыі // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А: Гуманитарные науки. 2019. № 9. С. 65–72.

8. *Сумко А. В.* Пасляваеннае жабрацтва ў дыскурсе вуснай гісторыі Віцебшчыны // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А: Гуманитарные науки. 2020. № 9. С. 142–147.

9. *Ямсков А. Н.* Проблемы и перспективы использования понятия «жизнеобеспечение» и его производных в этнологии и археологии // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 90–92.

10. *Sumko A.* Life support of the Belarusian village in the post-war period (the second half of the 1940s — early 1950s) // *Studia Białoru-tenistyczne*. Vol. 13. 2019. P. 91–113.

Список информантов

БГТ — Бабака Глафира Тимофеевна, 1927 г.р., г. Дисна Миорского р-на, 2019 г.

ВТИ — Высоцкая Таисия Ивановна, 1935 г.р., д. Головчицы Россонского р-на, 2019 г.

ГФ — Гиль Феофания, 1942 г.р., д. Калечполье Глубокского р-на, 2018 г.

КЕА — Корнилова Елена Андреевна, 1934 г.р., д. Щеперня Полоцкого р-на, 2017 г.

КНА — Кондрагьева Надежда Антоновна, 1928 г.р., д. Янковичи Россонского р-на, 2019 г.

ММФ — Моисеенко Мария Филипповна, 1931 г.р., д. Муравщина Полоцкого р-на, 2018 г.

НВМ — Неменёнок Ванда Михайловна, 1936 г.р., д. Жигули Верхнедвинского р-на, 2018 г.

РВН — Рабковский Виктор Николаевич, 1933 г.р., д. Ковалевщина Глубокского р-на, 2018 г.

ШФЛ — Шимукович Фадей Лаврентьевич, 1935 г.р., г. Дисна Миорского р-на, 2019 г.

Статья подготовлена в рамках проекта БРФФИ — РФФИ «Субкультура детства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX — начала XXI века», № Г20Р-095.